

А. М. ЩЕРБАК

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГЛАГОЛА
В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Как известно, в тюркских языках есть значительное количество корней, выступающих и в качестве именных, и в качестве глагольных основ, например, азерб. *dad*, кирг. *tat* «вкус» и «пробовать; вкушать»; алт. *kat* «ряд, слой» и «складывать»; кирг. *köç* «кочевка, перекочевка» и «кочевать, переселяться»; турецк. *tün* «вечер; ночь» и «смеркаться»; туркм. *bü* «углубление, рывина, яма» и «копать»; узб. *tün* «замерзший, мерзлый» и «мерзнуть, замерзать»; якут. *baĵ* «богатый» и «богатеть»¹. Явление глагольно-именной омонимии постоянно вызывало интерес у тюркологов и рассматривалось многими из них как реликт «первобытной» недифференцированности имени и глагола. Например, П. М. Мелиоранский, впервые коснувшийся этого явления еще в конце прошлого столетия, писал, что «... в древности разделение корней на глагольные и именные не было так строго проведено в турецком языке (resp. в тюркских языках.— А. П.), как теперь»². Аналогичную мысль, но конкретнее и с большей категоричностью, выразили несколькими десятилетиями позже И. А. Батманов³ и Э. В. Севортян⁴. Нельзя не отметить, однако, что такому восприятию омонимии именных и глагольных основ всегда сопутствовало либо молчаливое игнорирование данного явления, либо недвусмысленно выраженное отрицание его редкости. Здесь можно сослаться на К. Грёнбека, подчеркивавшего редкость глагольно-именной омонимии и считавшего ее следствием случайного совпадения различных слов и аффиксов⁵. Необходимо также упомянуть о точке зрения Б. М. Юнусалиева, по мнению которого основной причиной возникновения глагольно-именных омонимов являлось морфологическое преобразование глагольных корней⁶.

Вообще говоря, внешнее совпадение именных и глагольных основ может быть следствием поздних процессов, не обязательно заключавшихся в изменениях формы и, очевидно, одним из таких совпадений является конверсия.

На вопрос о том, изначально ли омонимия именных и глагольных основ в тюркских языках, т. е. является ли она реликтом «первобытной» недифференцированности имени и глагола, или же она вторична, мы попытаемся

¹ См.: J. Deny, *Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli)*, Paris, 1921, стр. 539; Б. М. Юнусалиев, *Киргизская лексикология*, I, Фрунзе, 1959, стр. 67 и сл.

² П. М. Мелиоранский, *Памятник в честь Кюль Тегина*, ЗВО РАО, XII, вып. II — III, 1899, стр. 98.

³ И. А. Батманов, *Грамматика киргизского языка*, II, Имена, Фрунзе, 1940, стр. 5. См. также: Н. А. Баскаков, *Каракалпакский язык, Части речи и словообразование*. ДД, М., 1950, стр. 548.

⁴ Э. В. Севортян, *Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке*, М., 1962, стр. 359 и сл. Здесь же приведен большой список глагольно-именных основ, стр. 365—373.

⁵ К. Grönbek, *Der türkische Sprachbau*, I, Kopenhagen, 1936, стр. 19.

⁶ Б. М. Юнусалиев, *указ. соч.*, стр. 79.

ответить, опираясь на тюркские языковые факты и пользуясь материалами не-тюркских языков.

Прежде всего, обращает на себя внимание то, что в древнетюркском языке глагольно-именных основ больше, чем в современных языках, и что по мере приближения к нынешнему состоянию их количество постепенно уменьшается. Анализ же общетюркских односложных основ, реконструируемых на уровне праязыка, показывает заметное увеличение случаев омонимии по сравнению с тем, что выявляется в ходе исследования любых старописьменных текстов, ср. **ār* «противоположная сторона; зад; спина» и «класть что-л., перевешивая на другую сторону; переходить какой-л. предел; превышать что-л.»; **ān* «низ, низкий» и «сходить, спускаться»; **kā* «сундук; ящик для пищи; чехол; карман; чрево» и «складывать вместе, класть по порядку»; **kīj* «край, кайма» и «делать что-л. по краю; срезать наискось»; **kok* «пыль, прах; пепел; нечисть» и «тлеть, обугливаться; тлеть, издавать запах»; **kūr* «сухой» и «сохнуть, высыхать»; **kōl* «упряжное животное» и «запрягать»; **kōn* «пухлость, вздутость» и «пухнуть, вздуться; пениться»; **oĵ* «игра» и «играть, резвиться»; **oŋ* «правый; удачливый; удача; доля; удел» и «налаживаться; исправляться; удаваться»; **ōn* «втягивание в рот» и «брат в рот; глотать»; **or* «ров, канава» и «рыть, копать»; **ör* «верх, подъем» и «являться, показываться; подниматься»; **nāk* «крепкий, прочный» и «укреплять, запираť»; **nōk* «сытый, насытившийся» и «насыщаться»; **saŋ* «нитка для шитья» и «вдевать нитку; соединять, составлять»; **sač* «волосы» и «разбрасывать; рассеивать; рассыпать»; **čik* «плотный, частый» и «давить, жать»; **čuk* «указательный палец» и «вкладывать, всовывать; втыкать»; **там* «капля» и «капать»; **tāš* «внешний, вне» и «переливаться через край; выходить из берегов»; **tīn* «жизнь, дыхание» и «дышать» и т. д.

В одних тюркских языках глагольно-именная омонимия сохранилась, в других — произошло разграничение именных и глагольных основ, благодаря присоединению к последним специальных аффиксов, ср. турецк. *an* «сознание, мысль» и «вспоминать», татар. *aŋ* «сознание», *aŋla-* «понимать»; алт. *kat* «ряд, слой» и «складывать», туркм. *vat* «ряд, слой», *vatla-* «складывать»; якут. *baĵ* «богатый» и «богатеть», туркм. *baĵ* «богатый» и *baĵi-* «богатеть».

Бросается в глаза чрезвычайно широкое использование в тюркских языках синтаксических структур именного типа, ср. азерб. *o mākṭub jažilasıdır* «он должен написать письмо», *jažilası mākṭub* «письмо, которое должно быть написано [им]»; турецк. *bən mākṭub jazaĵaĵım* «я напишу письмо», *jazaĵaĵım mākṭub* «письмо, которое должно быть написано мной», *bən kitabı okumuştum* «я читал книгу», *okumuş öğrenci* «читавший ученик»; шор. *kiĵi aĵdar* «человек скажет», *aĵdar kiĵi* «человек, который скажет»; якут. *kihi kälär* «человек приходит», *kälär kihi* «приходящий человек». Явное преобладание именных конструкций предложения над собственно глагольными⁷ свидетельствует о недостаточно большой исторической глубине процесса разграничения имени и глагола⁸, а также о значительной вероятности их синкретизма в недавнем прошлом.

Что касается предположения Б. М. Юнусалиева о наличии в прошлом у глагольных основ, входящих в омонимические пары, различных аффиксов и, следовательно, о вторичности омонимии, то в отношении некоторых

⁷ См.: J. Deny, указ. соч., стр. 144, 381—384; A. von Gabelin, Die Natur des Prädikats in den Türk Sprachen, «Körösi Csoma-Archivum», III, 1, Budapest — Leipzig, 1940, стр. 85 и сл.; C. Brockelmann, Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens, 1—7, Leiden, 1951—1954, стр. 283.

⁸ Ср. у Ж. Дени: «Можно сказать, что во многих случаях глагол грамматически не отличается от имени» (указ. соч., стр. 384).

примеров оно представляется обоснованным и конструктивным. В целом же объяснить появление омонимических пар формальными преобразованиями глагольных основ не удастся. В самом деле, есть ли у тюркологов аргументы в пользу морфологического членения основ **ār*, **kok*, **köl*, **kā*, **ön*, **sac* и многих других? По-видимому, нет и вряд ли когда-либо будут, хотя было бы излишней смелостью утверждать, что приведенный список в дальнейшем не подвергнется изменениям.

Выход за пределы тюркских языков преследует цель установить, насколько широко распространено явление глагольно-именной омонимии и какова степень разграничения именных и глагольных основ в языках разных групп.

Сразу же напомним о любопытном высказывании В. Вундта относительно существования такого этапа в эволюции языков, когда имя и глагол не различались и когда одни и те же слова функционировали и в качестве имен, и в качестве глаголов⁹. Это высказывание не нашло ощутимой поддержки у лингвистов и все же оно сыграло важную роль, так как способствовало тому, что происхождение глагола, отношение глагола к имени, совпадение именных и глагольных основ стали популярными темами лингвистических исследований: наметился новый подход к историко-морфологической характеристике причастий, появились понятия глагольных имен и омонимичных глагольно-именных основ и прочно вошли в научный обиход соответствующие термины (ср. *verbalnomina* и *nomenverba*).

В таких языках, как индоевропейские, имя и глагол четко разграничены и это разграничение осуществляется, в частности, в пределах самих основ, характерным признаком которых становится большая степень морфологической определенности (формально выделены не только именные и глагольные основы, но и типы именных и глагольных основ)¹⁰. Тем не менее, и в индоевропейских языках есть следы утраченной близости двух основных грамматических классов. О морфологическом сходстве индоевропейского глагола с именем неоднократно писал Э. Бенвенист, считавший, что из всех теорий, предложенных по поводу происхождения глагола и глагольных форм, больше всего совпадает с его собственными предварительными замечаниями теория Г. Хирта¹¹. А. А. Потебня, который проявлял особый интерес к исторической морфологии русского глагола, сделал вывод, что «в русском языке по направлению к нашему времени увеличивается противоположность имени и глагола». «Высказывая вышеприведенное мнение о невозможности в наших языках предложения без глагола, — пишет он. — я не утверждал, что *vb. fin.* есть явление первобытное, и не отвергал возможности найти под последним наслоением этих языков следы другого порядка вещей...»¹².

В ряде языков различия между именем и глаголом не достаточно резкие¹³. Например, в финно-угорских языках, как и в тюркских, отмечены случаи внешнего совпадения именных и глагольных основ, причем наличие омонимических пар является, по мнению специалистов, реликтом доуральской нераздельности имени и глагола, ср. венг. *lep* «покрывало» и «покрывать», *fagy* «мороз» и «морозить», *les* «засада» и «караулить», *nyom* «след; отпечаток» и «нажимать, давить; печатать»; фин. *tuule* «ветер» и

⁹ W. W u n d t, *Völkerpsychologie. Eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythos and Sitte*, I. Die Sprache, Zweiter Teil, Leipzig, 1904, стр. 9.

¹⁰ См.: А. М е й е, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М. — Л., 1938, стр. 211 и сл.

¹¹ E. B e n v e n i s t e, *Origines de la formation des noms en indo-européen*, I, Paris, 1935, стр. 173. Ср.: H. H i r t, *Über den Ursprung der Verbalflexion im Indogermanischen*, IF, XVII, 1904/1905, стр. 38, 84.

¹² А. А. П о т е б н я, Из записок по русской грамматике, I—II, М., 1958, стр. 84.

¹³ См.: Ö. V e k e, *Nomen und Verbum*, «Acta ling. hung.», X, 3—4. 1960, стр. 381

и «дуть», *sykke* «слюна» и «плевать», *kuiva* «сухой» и «сохнуть, высохнуть», *sula* «талый» и «таять, расплавляться»¹⁴.

Случаи внешнего совпадения именных и глагольных основ встречаются также в тунгусо-маньчжурских языках, ср. нан. *tugdэ* «дождь» и «идти» (о дожде), *боно* «град» и «идти» (о граде), *далан* «наводнение» и «подниматься» (о воде в реке, озере), *тала* «кушанье из сырой рыбы» и «разрезать сырую рыбу на куски», *куку* «лебедь» и «кричать» (о лебеде)¹⁵; эвенк. *арба* «мель» и «мелеть», *колто* «кулак» и «ударять» (кулаком), *агди* «гром» и «греметь» (о громе)¹⁶.

Подобное явление отмечено и в эскимосском языке: *ки* «рана» и «ранить», *уси* «груз» и «грузить», *пина* «краска» и «красить», *ана* ~ *ава* «снег» и «покрывать снегом», *тук'у* «смерть» и «умирать», *аг'у* «корма лодки» и «сидеть на корме» и т. д.¹⁷.

От материально единых основ образуются многие именные и глагольные формы в дравидийских языках¹⁸.

В тесной связи с вопросом о природе глагольно-именной омонимии находится проблема соотносительной древности имени и глагола, разделяющая лингвистов на два противоположных лагеря: для одних — имя древнее глагола, по мнению других, более древним является глагол. Признавая, что в отношении языков, не обнаруживающих четких формальных границ между частями речи, бессмысленно говорить об имени и глаголе, что имя и глагол как грамматические классы слов появились одновременно. В. Таули вместе с тем справедливо утверждает, что если обратиться к морфологической стороне, то в некоторых языках совершенно очевидно большая древность имени и развитие собственно глагольных форм (the finite forms) из именных¹⁹.

В разное время были высказаны предположения об именной природе финитных форм глагола в индоевропейских²⁰, семитских²¹ и монгольских²² языках.

У тюркологов спор о том, что раньше, имя или глагол, лишен той остроты, которую он приобрел в кругу индоевропейцев. На протяжении нескольких десятилетий тюркологи неизменно подчеркивали господствующее положение имени и воспринимали как само собой разумеющийся факт довольно позднее морфологическое выделение глагола. Однако в настоящее время и тюркологи не единодушны в предлагаемых решениях

¹⁴ См.: Л. Х а к у л и н е н, Развитие и структура финского языка, I. Фонетика и морфология, М., 1953, стр. 65; О. В е к е, указ. соч., стр. 369 и сл.; Б. А. С е р е б р е н н и к о в, Историческая морфология пермских языков, М., 1963, стр. 140; К. Е. М а й т и н с к а я, Сравнительная морфология финно-угорских языков, в кн.: «Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков», М., 1974, стр. 214.

¹⁵ См.: В. А. А в р о р и н, Грамматика нанайского языка, II. Морфология глагольных и наречных частей речи, междометий, служебных слов и частиц, М.—Л., 1961 стр. 12.

¹⁶ См.: О. А. К о н с т а н т и н о в а, Эвенкийский язык. Фонетика и морфология, М.—Л., 1964, стр. 31.

¹⁷ См.: Г. А. М е н о в щ и к о в, Грамматика языка азиатских эскимосов, II, Л., 1967, стр. 18, 19.

¹⁸ См.: R. C a l d w e l l, A comparative grammar of the Dravidian or South-Indian family of languages, London, 1913, стр. 445.

¹⁹ V. T a u l i, On the origin of verb, UAJb, XXVIII, 3—4, 1956, стр. 138, 139.

²⁰ См.: Н. Н и г т, Die Hauptprobleme der indogermanischen Sprachwissenschaft, Halle, 1939, стр. 78; е г о ж е, Indogermanische Grammatik, VI, Heidelberg, 1934, стр. 12, 177—181.

²¹ См.: И. М. Д љ а к о н о в, Языки древней Передней Азии, М., 1967, стр. 201 (И. М. Дьяконов говорит о возникновении глагола из «нерасчлененного комплекса, содержащего черты также и имени»).

²² См.: N. P o r p e, Introduction to Mongolian comparative studies, MSFOu, 110, 1955, стр. 267.

названной проблемы. С предельной отчетливостью мнение, идущее вразрез с традиционным, выражено П. И. Кузнецовым, не допускающим возможности образования собственно глагольных, или финитных, форм глагола из имен действия (гезр. причастий) и придерживающимся той точки зрения, что финитные глагольные формы появились раньше причастий²³.

Попытки пересмотреть устоявшиеся и, на наш взгляд, хорошо аргументированные положения традиционной тюркологии являются не столько отзвуком тенденций, возникших при обсуждении проблемы исторической взаимосвязи имени и глагола в индоевропеистике, сколько следствием недоразумения. Авторы описательных грамматик тюркских языков называют субстантивные имена действия и причастия от глагольных имен и именами, что, естественно, побуждает думать об их относительно позднем развитии и дает повод рассматривать их как образованные от глаголов. Может быть, именно так и нужно определять структурную взаимосвязь именных и глагольных основ при анализе современного синхронного среза, ср. кирг. *сўйлөшмөктө* «он говорит» (*сўйлөш-* «говорить» — глагольная основа, внешне совпадающая с формой повелительного наклонения 2-го лица ед. числа, *-мөк* — аффикс имени действия, *-тө* — аффикс местн. падежа), кум. *гэлгэниңгэ* «твоему приходу» (*гэл-* «приходить» — глагольная основа, *-гэни* — аффикс имени действия, *-ңгэ* — аффикс принадлежности 2-го лица ед. числа, *-гэ* — аффикс дат. падежа). При историческом же подходе дело существенно меняется. То, что в описательных грамматиках носит наименование глагольных основ, не всегда имело морфологический статус глагольности: первоначально это были недифференцированные глагольно-именные основы. Поэтому А. А. Потебня был безусловно прав, когда решительно заявил, что «не нужно себе представлять причастия непременно словом отглагольным: оно не происходит от глагола, а появляется вместе с ним»²⁴. И, конечно, прав также Э. В. Севортян, пользующийся термином «глагольное имя»²⁵.

Из сказанного следует, что внешнее совпадение именных и глагольных основ в тюркских языках не является случайным и, по всей видимости, отражает своеобразие исторического процесса становления и развития частей речи. Факты глагольно-именной омонимии в древних и современных тюркских языках, результаты проведенных в этой области исследований и, отчасти, соображения теоретического порядка, подкрепленные ссылками на материалы не-тюркских языков, позволяют думать, что в тюркском языке почти любой первичный корень обозначал и предмет и действие-состояние, т. е. был синкретичным²⁶.

²³ П. И. Кузнецов, Происхождение прошедшего времени на *-ды* и имен действия в тюркских языках, сб. «Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика», М., 1960, стр. 54, 66, 69.

²⁴ А. А. Потебня, указ. соч., стр. 95.

²⁵ Э. В. Севортян, О некоторых вопросах структуры предложения в тюркских языках, в кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», III. Синтаксис», М., 1961, стр. 9.

²⁶ Не исключено, что грамматический синкретизм был унаследован и производными корнями-основами. Впервые В. В. Радлов обратил внимание на идентичность аффиксов имен действия и залоговых форм глагола. См.: W. R a d l o f f, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, N. F., СПб., 1897, стр. 57, 58. Мысль В. В. Радлова развил Дж. Клоусон, указавший на связь внешнего совпадения производных именных и глагольных основ с той ступенью в эволюции грамматического строя тюркских языков, когда еще не было четкой границы между именем и глаголом. См.: G. C l a u s o n, Three notes on Early Turkish, «Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, Belleten 1966' dan ayırtır», Ankara, 1967, стр. 6, 7. См. также: J. D e n ц у, указ. соч., стр. 540, 544; Н. К. А н т о н о в, К вопросу о словообразовании имен в якутском языке, «Уч. зап. ИЯЛ Якутск. филиала АН СССР», 5, 1958, стр. 68—75. Ср.: Б. М. Ю н у с а л и е в, указ. соч., стр. 77—79.

2. Исходным материалом для собственно глагольных форм в тюркских языках явились имена действия. Вероятно, так же обстояло дело и в других языках. «Когда я говорю, что глагол должен быть именного происхождения, — заявляет Г. Хирт, имея в виду индоевропейские языки, — то этим не отрицается понятие глагола как выражения состояния или деятельности. На месте *verbum finitum* можно употреблять *verbalnomina*»²⁷. Э. Н. Сетяля, констатирующий совпадение показателей финно-угорских временных форм с показателями именных образований (*nomen agentis*, *nomen actionis* и *nomen acti*), высказал сходные мысли в отношении финно-угорских языков²⁸. О связи личных форм глагола с причастиями и глагольными именами в дравидийских языках пишет Р. Колдуэлл²⁹.

Роль имен действия велика: без них не могло произойти выделение глагола как самостоятельного грамматического класса. Образуюсь от недифференцированных, синкретичных глагольно-именных основ в тех случаях, когда они выступали как наименования процессов и состояний, имена действия создавали почву для передачи языковыми средствами отношения действия к моменту речи и точки зрения говорящего на отношение действия к его исполнителю. Иными словами, в именах действия находятся истоки семантического многообразия глагольных форм современных тюркских языков, заложены черты, предопределившие семантическую структуру времен и наклонений, несмотря на то, что соотносительность их с конкретными видо-временными и модальными значениями отсутствовала.

Для полного уяснения морфологического своеобразия имен действия необходимо иметь в виду, что и они совмещают признаки имени и глагола, хотя в меньшей степени, чем «первобытные» глагольно-именные основы. Будучи исходным материалом для образования глагольных форм, имена действия вместе с тем обнаруживают расположенность к избирательной интенсификации именных признаков и становятся источником пополнения отдельных разрядов имени. Достаточно сказать, что порядковые, собирательные, разделительные и приблизительные числительные являются по происхождению именами действия. К ним же восходят и некоторые формы прилагательных.

Количество имен действия в тюркских языках достигает трех-четыре десятков. Самые распространенные из них — на *-ñi ~ -ñu*, *-iñç ~ -uñç*, *-mak*, *-ma*, *-iñ ~ -uñ*, *-ik ~ -uk*, *-iç ~ -uç*, *-i ~ -u ~ -a*, *-it ~ -ut*, *-in ~ -un*, *-mıñ*, *-ñin ~ -vun ~ -van*, *-dik ~ -duk*, *-diç ~ -duç*, *-ir ~ -ur ~ -ar*, *-ür ~ -ur*, составляющие общий древнейший пласт морфологических образований. И если одни из них типичны для одной группы языков, а другие — для второй или третьей, то это связано с конкретными историческими условиями формирования каждого отдельного языка или каждой языковой группы. По разным причинам сфера использования имен действия с течением времени суживалась, они включались в сложные словообразовательные процессы, подвергались значительным изменениям и поэтому нередко их общетюркская принадлежность становится очевидной лишь в результате специальных поисков и этимологических исследований. Например, имена действия на *-mak* и *-ma* во многих тюркских языках, в особенности в языках Сибири и Алтая, полностью перешли в разряд существительных и прилагательных, ср. алт. *basnak* «терка; жернов», *ukmak* «слух», *ilmäk* «крючок; вешалка», *ojmok* «наперсток», *kaknak* «крышка», *çärtmä* «балалайка», *d'ıldırма* «задвижка», *d'андірма* «склон горы», *kantırма*

²⁷ H. Hirt, *Indogermanische Grammatik*, VI, стр. 12.

²⁸ E. N. Setälä, *Zur Geschichte der Tempus- und Modusstambildung in den finnisch-ugrischen Sprachen*, JSFOu, II, 1887, стр. 171—174.

²⁹ R. Caldwell, указ. соч., стр. 486 и сл. См. также: М. С. Андронов, *Дравидийские языки*, М., 1965, стр. 69—71.

«крючок», *улама* «оглобли»; хакас. *чарба* «крупа»; шор. *авісна* «невод», *сö-зүйрбэ* «сеть»; якут. *хаппах* «крышка», *тāмах* «догадка», *хаспах* «яма, рытвина». Другой пример — имя действия на *-інч* ~ *-унч*. В современных тюркских языках оно фактически отсутствует, а употребление его в письменных памятниках предельно ограничено. Между тем данная форма бесспорно общетюркская, о чем свидетельствует наличие аффикса *-інч* ~ *-унч* в составе порядковых числительных абсолютного большинства тюркских языков. Еще один пример — имя действия на *-бі* ~ *-бу*, к которому восходит распространенная разновидность собирательных числительных, ср. др.-тюрк. *йчйгү* «трое» (> *йчйө*).

По характеру выполняемых функций имена действия подразделяются на две группы: субстантивные и адъективные имена действия (иначе: субстантивные имена действия и причастия). Причастия чаще, чем субстантивные имена действия, выступают в атрибутивной функции, а также в функции предиката. Субстантивные имена действия выполняют разные синтаксические функции, типичные для собственно имен, прежде всего для существительных. В старописьменных текстах граница между субстантивными и адъективными именами действия очень условна, если не сказать, что ее вообще нет.

Наряду с первичными, известны образованные от них вторичные имена действия, роль которых в становлении и развитии глагола также велика. В эту группу входят имена действия типа *барйүсак*, *барйшак*, *барсакчи*, *барйүчи*, *барвучи*, *бардачи*, *бармачи*, *бармакчи*, *барйүма*, *барйүли*, *барвулу*, *барвалли*, *барванли*, *бармалли*, *бармакли*, *барарли*, *барали*, *барйүлик*, *барвулук*, *барвалик*, *барванлик*, *бармалик*, *бармаклик*, *барарлик*, *баралик*, *бараҗак*, *бардйҗак*, *бараси*, *барвудај* и т. д. Многие из них, прослеживаемые главным образом в памятниках, очень рано утратили продуктивность и подверглись субстантивации и адъективации; вторичные имена действия на *-валли*, *-ванли*, *-арли* преобразовались в деепричастия.

Из двух упомянутых функциональных групп имен действия наиболее расположенными к вербализации были причастия, первичные и вторичные. В сравнительно поздний период процесс вербализации широко охватил также перифрастические формы, состоявшие из субстантивных имен действия и причастий настоящего-будущего времени *турур*, *јатар*, *јорур* и *отурур*. Редкое и не совсем обычное для тюркских языков явление — вербализация имен действия в форме местн. падежа. Примеры: кирг. *сүйлөшмөктө* «говорит», турецк. *вэрмәктәјим* «даю», узб. *кўрсатмоқда* «показывает»; уйг. *јавап бэришти* «отвечает»; казах. *күтйүөдміз* «ждем».

Семантическая специализация имен действия происходила путем закрепления за каждой формой какого-либо одного значения и постепенной утраты других значений³⁰. И так как этот процесс был сложным и длительным, грамматическая семантика форм наклонений в разных тюркских языках далеко не одинакова. Например, имя действия на *-а* стало основой формы настоящего-будущего времени изъявительного наклонения и основой форм желательного наклонения. О том, что для содержания имени действия на *-а* были характерны модальные оттенки, свидетельствует его использование в значении супина. Заслуживает внимания и такой факт: в азербайджанском, гагаузском и турецком языках рассматриваемое морфологическое образование является формой желательного наклонения, тогда как в письменных памятниках азербайджанского и турецкого языков, по крайней мере до XVIII в., оно использовалось также в системе

³⁰ См.: М. Ш. Рагимов, История формирования наклонений глагола в азербайджанском языке. АДД, Баку, 1966, стр. 8, 11.

временных форм изъявительного наклонения³¹. Причастие на *-aci*, выступающее в ряде тюркских языков как форма долженствования, в некоторых языках выражает намерение совершить действие, а в якутском языке является формой «утвердительного наклонения»³², ср. азерб. *jazacıjam* «я должен написать»; якут. *барһиһиһин* «я, очевидно, пойду».

Ничто не мешает считать исходным материалом для собственно глагольных форм и первичные недифференцированные основы: от них образовывались имена действия и в ходе вербализации последних эти основы приобрели грамматическую определенность.

Далее, формам имен действия, содержанием которых была констатация действия или состояния в общем смысле, оказалась противопоставленной форма, не имевшая морфологических показателей и получившая значение 2-го лица ед. числа повелительного наклонения. Выделением формы повелительного наклонения завершилось образование двух оппозиций, явившихся фундаментом грамматической системы языка: 1) глагольно-именной, с противопоставлением именных и глагольных основ и внешне совпадающих с ними безаффиксных форм им. надежда и повелительного наклонения и 2) внутриглагольной, с противопоставлением форм изъявительного и повелительного наклонений. При этом форма повелительного наклонения, имея своеобразную семантику, обособилась и как бы остановилась в своем развитии; в отличие от нее формы изъявительного наклонения постоянно находились в тесной связи между собой, претерпели сложную семантическую эволюцию и в конечном итоге вошли в парадигмы разных наклонений. Кстати, в тюркских языках и по сию пору временные значения части форм изъявительного наклонения «отягощены» модальными оттенками.

Использование безаффиксной формы глагола, внешне совпадающей с глагольной основой, в качестве формы повелительного наклонения 2-го лица ед. числа не было простой случайностью: аналогичное явление имело место в индоевропейских³³, монгольских³⁴, дравидийских³⁵ и других языках. Характерно, что для некоторых языковедов «выражение повелительного наклонения чистой основой» служит доказательством его принадлежности к числу древнейших категорий глагола³⁶.

Безаффиксная форма глагола (resp. чистая основа) являлась наименованием действия или состояния, и в употреблении ее в значении повелительного наклонения есть нечто общее с употреблением безаффиксной формы имени в значении вокатива. В. А. Богородицкий, не без оснований, сравнивал эти две формы и был склонен рассматривать форму вокатива «как род подлежащего» к первой форме³⁷. На сходство императива с вокативом указывал также Э. Бенвенист³⁸.

³¹ См.: М. Ш. Рагимов, указ. соч., стр. 56, 57; Э. А. Грунина, Форма времени на *-a/-e* по памятникам турецкого языка, «Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А. Н. Кононова», М., 1966, стр. 28.

³² См.: В. И. Коркина, Наклонения глагола в якутском языке, М., 1970, стр. 195 и сл.

³³ См.: R. Thurneysen, Der indogermanische Imperativ, KZ, XXVII, N. F. VII, 1885, стр. 172—180; А. Мейе, указ. соч., стр. 249; O. Szemerényi, Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft, Darmstadt, 1970, стр. 229.

³⁴ См.: N. Porre, указ. соч., стр. 252.

³⁵ См.: R. Caldwell, указ. соч., стр. 446.

³⁶ См.: А. Н. Савченко, Древнейшие грамматические категории глагола в индоевропейском языке, ВЯ, 1955, 4, стр. 120.

³⁷ В. А. Богородицкий, Введение в татарское языковедение, 2-е изд., Казань, 1953, стр. 186.

³⁸ Э. Бенвенист, указ. соч., стр. 173. Ср.: W. Winter, Vocative and imperative, сб. «Substance and structure of language», Los Angeles, 1969, стр. 211 и сл., 218, 221.

Г. Хирт отнес к реликтам именного способа выражения действия наряду с причастием инфинитив³⁹ и таким образом включил его в число форм, ставших исходными для *verbi finiti*⁴⁰. Воздерживаясь от каких-либо категорических высказываний по существу изложенного Г. Хиртом взгляда на инфинитив, заметим, что в отношении тюркских языков он едва ли приемлем. В древнетюркских письменных памятниках нет следов инфинитива, и нетрудно понять позицию Н. К. Дмитриева, проявившего большую осторожность при обсуждении вопроса о возможности выделения инфинитива в современных тюркских языках⁴¹. В последних, за редкими исключениями, специальную несклоняемую и неспрягаемую форму, сопоставимую с индоевропейским инфинитивом, обнаружить не удастся, и присвязочная часть составного сказуемого, а также глагольное дополнение русского языка выражаются в них разными способами.

Тщательный анализ материалов современных тюркских языков позволяет лишь в отдельных из них выявить формы, чем-то напоминающие инфинитив. Так, субстантивное имя действия на *-mak* в турецком языке, которое может сочетаться с глаголами, будучи неоформленным, ближе к индоевропейскому инфинитиву, чем то же самое имя действия в узбекском и уйгурском языках, где в позиции приглагольного дополнения оно непременно должно иметь падежные аффиксы. Явная тенденция к сближению с инфинитивом наблюдается у обособившихся падежных форм имен действия, в особенности у формы дат. падежа от имени действия на *-ip* ~ *-ur* ~ *-ar* в алтайском, башкирском, татарском и других языках⁴². Все это говорит о том, что тюркский инфинитив не реликтовая, а развивающаяся категория, исходным материалом для которой, как и для собственно глагольных форм, служат имена действия.

3. В попытках дать исчерпывающее объяснение дополнительным обстоятельствам происхождения глагола тюркологи, монголисты и специалисты по финно-угорским языкам пришли к более или менее единому выводу, смысл которого заключается в признании особой роли позиционных условий.

Нет нужды доказывать, учитывая сказанное в предыдущих разделах, что первоначально любое сочетание было именным и что характер выражавшихся в нем отношений — предикативность или атрибутивность — был обусловлен соположением компонентов, занимаемыми ими позициями и интонационными средствами. Впрочем нельзя исключать и первичную недифференцированность синтаксических связей, отсутствие «принципиального разделения словесных групп на предикативные и атрибутивные», постулированное Э. В. Севортьяном⁴³.

Имена действия, не содержавшие признаков предикативности, одинаково широко использовались, наряду с другими именами, и в начале и в конце сочетания. Однако вследствие своеобразия передаваемого содержания, они в гораздо большей мере были потенциальными носителями предикативности, чем предметные и качественные имена, и поскольку конечная позиция для тюркских языков — достаточно строго фиксированная

³⁹ Н. Н и р т, *Indogermanische Grammatik*, VI, стр. 13.

⁴⁰ Ср. у А. А. Потебни: «... в настоящее время можно считать решительно и прочно господствующим мнение, что инфинитив только б ы л некогда именем, но не остался им...» (указ. соч., стр. 338).

⁴¹ Н. К. Д м и т р и е в, *Грамматика башкирского языка*, М.—Л., 1948, стр. 170.

⁴² См.: Н. К. Д м и т р и е в, указ. соч., стр. 171; Л. С. Г а д е л ь ш и н, *Инфинитивная форма глагола в современном татарском литературном языке*. АКД, Казань, 1957, стр. 4—6; В. Н. Т а д ы г и н, *К вопросу о глагольной форме на -арга в алтайском языке*, «Зап. Горно-Алтайского НИИЯЛ», 5, 1962, стр. 54.

⁴³ Э. В. С е в о р т ь я н, *О некоторых вопросах структуры предложения в тюркских языках*, стр. 8.

позиция предиката, уже само по себе нахождение имен действия в конце сочетания способствовало устойчивому выражению ими предикативности.

Другой чрезвычайно важный фактор, обеспечивший окончательное закрепление за именами действия в конечной позиции предикативных функций, — присоединение к ним личных местоимений. Личные местоимения, заняв крайнее конечное положение, явились основным средством выражения предикативности, но сами по себе, так же как и имена действия в соответствующей позиции, не предопределяли развития глагольных форм. Их сочетания с предметными и качественными именами лежали и продолжают лежать в основе именных предложений тюркских языков, не обнаруживая никаких признаков грамматической трансформации, ср. др.-тюрк. *sān kišisān kīmüñ ovlısān* «ты человек, чей ты сын?»; турецк. *zengin adamın* «ты богатый человек»; узб. *san ўзимизни маҳаллани боласан* «ты дитя нашего квартала»; хакас. *мэн хакас мэн* «я хакас», *сърэр хакассар* «вы хакасы»; якут. *балыксыһын* «я рыбак», *сахаларбит* «мы якуты». Лишь инкорпорируясь в состав имен действия и формально преобразуясь, личные местоимения «вносят» свой вклад в развитие глагола. Благодаря их присоединению осуществляется обозначение агенса в пределах выражения действия: лицо, включая число, входит неотъемлемым компонентом в категориальное содержание нового грамматического класса, а передающие его показатели дополняют черты морфологического своеобразия единиц этого класса.

Трудно сказать, когда началось действие последнего фактора, от чего зависела степень его интенсивности и насколько обязательным было его проявление⁴⁴. В некоторых языках, в частности в монгольском письменном, глагольные формы изъявительного и условного наклонений не включают в себя обозначение лица и последнее обозначается, как правило, за пределами действия, ср. *bi abuba (~abubai)* «я взял», *či abuba (~abubai)* «ты взял», *bi abubasu* «если я возьму», *či abubasu* «если ты возьмешь», *bi abutumui* «я беру», *bida abutumui* «мы берем», *či abuqu* «ты возьмешь», *bida abuqu* «мы возьмем»⁴⁵. Какими бы ни были ответы на перечисленные выше вопросы, суть общего взгляда на роль присоединения личных местоимений 1 и 2-го лица в вербализации имен действия останется неизменной и необходимо согласиться с В. Таули, что обычный путь развития финитного глагола — из сочетания: имя, обозначающее действие, + личное местоимение (для первых двух лиц)⁴⁶. Более того, выражение лица в пределах обозначения действия следует считать одним из определяющих моментов становления глагола и не будет большой смелостью сказать, что степень глагольности устойчиво выполняющих предикативные функции имен действия находится в прямой зависимости от уровня формализации слившихся с ними личных местоимений.

Сложным, но не принципиальным для нас, является вопрос о правомерности и обоснованности выдвинутой несколько десятилетий тому назад гипотезы о посессивной природе предикативных отношений в реконструируемой модели пратюркского (у Г. Винклера — праалтайского)⁴⁷ именного предложения. Сопоставляя материалы алтайских языков и анализируя особенности их структуры, Г. Винклер сделал вывод, что древнейшим и исходным для названных языков является предложение с посессивной

⁴⁴ А. Габен полагает, что вначале глагол был безличным. См. A. von Gaben, указ. соч., стр. 85, 86.

⁴⁵ См.: L. Hambis, Grammaire de la langue mongole écrite, I, Paris, 1946, стр. 49—52.

⁴⁶ В. Таули, указ. соч., стр. 143. См. также: E. N. Setälä, указ. соч., стр. 172.

⁴⁷ H. Winkler, Die altaische Völker- und Sprachenwelt, Leipzig — Berlin, 1921, стр. 34.

связью⁴⁸. Позднее К. Брокельман, придававший большое значение совпадению в тюркских языках личных показателей некоторых глагольных форм с аффиксами принадлежности имени, ср. кум. *бардѣм* «я пошел», *барсам* «если пойду» (но: *бараман* «иду»), высказал мысль, что предложения типа *tānrī tōbrūtī* и *mān ajdīm* в древнетюркском языке восходят к посессивно воспринимавшейся констатации бытия-существования: «творение бога (есть)» и «мое сказанное (есть)»⁴⁹. Ср. у К. Грэнбека: *ол олурур* «он сидит» или «его сидение»⁵⁰. Сделанный Г. Винклером вывод явился своеобразной опорой для концепции так называемого посессивного строя предложения, интерес к которой до недавнего времени проявляло значительное число лингвистов-теоретиков.

Не считая целесообразным и уместным возвращаться к вопросу о возможности существования посессивного строя как особого этапа в развитии языка вообще, остановимся подробнее на проблеме двойственности личных окончаний тюркского глагола.

В настоящее время разграничение двух типов спряжения, лично-местоименного и притяжательного, настолько бесспорно и очевидно, что было бы, по меньшей мере, странным не замечать его или игнорировать, ср. узб. *борганман* «я ходил, я сходил», *борганим* «мое хождение». Тем не менее, мы не вправе думать, что рассматриваемая двойственность возникла непременно как следствие отражения в языке принципиально различного восприятия отношений между лицом и действием или состоянием⁵¹. Есть достаточно убедительные основания говорить о наличии в прошлом одного типа спряжения, развитие которого происходило по линии размежевания средств передачи предикативности и принадлежности. Одни формы — претерит, или прошедшее категорическое, и условное наклонение — раньше других были вовлечены в процесс вербализации и присоединявшиеся к ним лично-местоименные аффиксы упростились в наибольшей степени. Все прочие временные формы вплоть до настоящего времени не утратили полностью именные признаки и их лично-местоименные окончания находятся на разных ступенях упрощения, ср. кум. *бараман* «иду, пойду», карач.-балк. *барам*, кирг., татар. *барам*. Почему именно претерит, а не какая-либо иная форма, стал первой собственно глагольной формой времени и и очень рано занял особое положение в плане передачи лица, установить пока трудно. Вероятно, объяснение этому надо искать в истории самого претерита, в особенностях его грамматического содержания⁵².

Доказательством того, что спряжение всех форм изъявительного и условного наклонений некогда было единым, являются следующие факты. Во-первых, нет сомнений, что форма условного наклонения типа *барсам* более поздняя, чем форма типа *барсаман*: древнейшая разновидность формы условного наклонения, встречающаяся в старописьменных памятниках — с конечным *p* — присоединяет к себе не аффиксы принадлежности, а личные местоимения: *барсарман* «если пойду», *барсарсан* «если пойдешь»,

⁴⁸ Там же, стр. 37.

⁴⁹ С. В г о с к е л м а н, указ. соч., стр. 283.

⁵⁰ К. Г р э н б е к, указ. соч., стр. 85.

⁵¹ Ср.: «Выяснение вопроса об историческом приоритете сравниваемых форм предикативных отношений в значительной мере зависит от решения вопроса о первичности личных местоимений или посессивных аффиксов, преемственность между которыми по тюркским материалам не может считаться бесспорной и должна быть еще доказана» (Э. В. С е в о р т я н, О некоторых вопросах структуры предложения в тюркских языках, стр. 8).

⁵² По мнению Б. А. Серебрянникова, исходным значением формы на *-dē* было перфективное. См.: Б. А. С е р е б р е н н и к о в, Тюркологические этюды, I. К проблеме происхождения двух типов личных глагольных окончаний в тюркских языках, в кн.: «Вопросы тюркологии», Баку, 1971, стр. 111.

ср. узб. (диалектн.) *боссовуз* ~ *борсовуз*, *боссојиз* ~ *борсојиз*⁵³, алт. *барзабіс*, хакас. *парзабіс* «если пойдем»; тув. *алзівісса*, якут. *йларбіт* «если возьмем»; пор. *шіксабіс* «если выйдем». Во-вторых, совершенно очевидна общая тенденция к упрощению лично-местоименных окончаний в составе временных форм. Дополнительный аргумент в пользу предположения об отсутствии принципиальной разницы между спряжением разных форм — наличие в отдельных тюркских языках частичного или почти полного совпадения личных окончаний у формы претерита и, например, у формы настоящего-будущего времени на *-а*, ср. башк. (диалектн.) *бардїм*, *бардїң* и *барїм*, *бараң*⁵⁴; др.-тюрк. *бардїміз* (< *бардїбіз*) и *барабіз*.

4. В связи с обнаружением многочисленных следов первоначальной нераздельности имени и глагола в кавказских языках было высказано мнение, что эта нераздельность являлась основным «движущим механизмом» эргативности⁵⁵. Приведенное мнение может быть истолковано так, что синкретичность именных и глагольных основ обуславливала наличие строго определенной синтаксической структуры и что она не совместима с существованием номинативного строя. Означает ли это, что номинативная конструкция появилась в тюркских языках сравнительно поздно и что ее возникновению обязательно предшествовало типологически иное состояние, например, господство эргативных построений? Скорее всего, нет, не означает: слишком мало фактов, позволяющих говорить о трансформации синтаксических конструкций как единственном и абсолютно обязательном пути перехода из одного качественного состояния в другое.

*

Такова в общих чертах древнейшая история тюркского глагола, изложенная в виде обобщения некоторых наблюдений над фактами морфологии тюркских языков. Охватываемый период представляет собой один из важнейших этапов в развитии грамматической системы языка и многое из того, что происходило на этом этапе, должно носить характер общих или относительно общих закономерностей. Разумеется, теоретическое осмысление приведенных фактов может быть и несколько иным, чем предложенное, но в любом случае нельзя обойти молчанием их удивительное сходство и последовательную, устойчивую повторяемость в языках разных групп.

⁵³ См.: А. Ш е р м а т о в, Каршинский говор узбекского языка. АҚД, Ташкент, 1960, стр. 31; О. Ш а р и п о в, Папский говор узбекского языка. АҚД, Ташкент, 1962, стр. 15, 16.

⁵⁴ См.: Н. Х. М а к с ю т о в а, Говор айских башкир. АҚД, М., 1964, стр. 18, 19.

⁵⁵ Обстоятельное изложение различных взглядов по вопросу о связи эргативности с недифференцированностью глагола см. в кн.: Г. А. К л и м о в, Очерк общей теории эргативности, М., 1973, стр. 20—23.